

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

О ГРАФѢ МИХАЙЛѢ АНДРЕЕВИЧѢ МИЛОРАДОВИЧѢ.

Воспоминая о жизни и дѣяніяхъ Гр. Мих. Анд. Милорадовича, я—по необходимому сдѣленію идей—невольно воспоминаю о многихъ, разумѣется только для меня важныхъ, эпохахъ моей собственной жизни. Провидѣнію угодно было сблизить меня съ человѣкомъ знаменитымъ, привить, такъ сказать, судьбу мою скромную, безвѣстную, къ его судьбѣ блистательной. Такъ плоть, растеніе слабое, прививается къ дубу могучему, разстилаясь часто по всемъ направленіямъ вѣтвей его. Однѣ и тѣже бури тревожатъ ихъ, одно солнце ихъ грѣетъ! Слабый не раздѣляетъ славы сильного, но пользуется его покровительствомъ. Чтобъ начать сначала, и разсказать про что нибудь давнее, я начну съ *перваго моего знакомства* съ покойнымъ Графомъ. Но я повторю еще разъ: мнѣ нельзя говорить о немъ не говоря о себѣ—не изыщите!

Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія вынуженъ я изъ перваго кадетскаго корпусъ, еще сущимъ робенкомъ. Множество наукъ, пройденныхъ (я не смѣю сказать *постигнутыхъ*) въ самое короткое время (въ $3\frac{1}{2}$ года), и неутомимое, усидчивое прилежаніе, для того необходимое, сильно и непріязненно подѣйствовали на слабый дѣтскій мой составъ. Миріады идей пролетѣли чрезъ голову, волны разнообразныхъ ощу-

щеній потрясли сердце, къ несчастію слишкомъ чуткое ко всѣмъ впечатлѣніямъ внѣшняго быта.

Еслибъ ученіе мое было только дѣломъ одной памяти, то сердце и умъ остались бы неустоимленными. Но со мною это какъ-то происходило иначе. Я передумывалъ, перечувствовалъ все, что изучалъ. . . . Воображеніе, часто не знавшее предѣловъ, и чувствительность, еще не охлажденная опытомъ и лѣтами, были причиною мукъ и наслажденій моей юности.

Съ воспаленными глазами, съ нервами натоимленными, больнымъ и слабымъ робенкомъ вышелъ я изъ I кадетскаго корпуса. Насъ было нѣсколько товарищей, назначенныхъ въ *Апшеронскій пѣхотный полкъ*, котораго *постоянныя квартиры* находились тогда на Вольни. Мы отпавились цѣлою семьею къ мѣсту нашего назначенія. Россія пространная, свѣжая, то съ протяженіемъ своихъ дремучихъ лѣсовъ, то *степная*, разбуртывалась передъ нами какъ огромный географическій чертежъ иллюминированный, индѣ яркими, индѣ уже поблекшими, устарѣлыми красками. Перемѣна климата такъ ощутительна для молодыхъ незагрубѣлыхъ нервовъ! Ласковый воздухъ Малороссіи придалъ намъ всѣмъ, обезсиленнымъ жизнью полузатворниковъ, новый силы. Видъ зеленыхъ полей и жатвъ тотчасъ исцѣмилъ глаза мои. Природа сдѣлала то, чего не могли сдѣлать всѣ пособія искусства врачебнаго.

Кіевъ величественный, древній Кіевъ, съ его голубымъ Днѣпромъ, съ его златокупольною Лаврою, съ огромными историческими воспоминаніями, былъ предметомъ благоговѣйнаго удивленія нашего. Въ Кіевъ услышали мы въ первый разъ о будущемъ, нашемъ шефѣ — Милорадовичѣ. Тамъ знали этого молодого Генерала, одного изъ Русскихъ героевъ въ Италіи —

обвѣшеннаго крестами (тогда это было рѣдко!), пылкаго на войнѣ, любезнаго, даже плѣнительнаго, въ обхожденіи съ прекраснымъ поломъ. Но еще болѣе подробностей узнали мы о немъ проѣзжая Во-лынь. Тамъ гремѣли объ его славы—военная и *разгульная*. Намъ рассказывали, что, несмотря ни на какія дороги, рано весною и въ позднюю осень, онъ любить скакать по-курьерски. Особенно удивлялись тому, что онъ никогда не позволялъ тормозить своего экипажа, и съ каждой горы, какъ бы крута она ни была, мчался во весь конскій скокъ, приводя въ трепетъ самыхъ безтрепетныхъ *фурмановъ* (извозчиковъ) — по большей части Евреевъ. По скорой ѣздѣ онъ считался на всей Волыни *третьимъ* послѣ Баура и еще одного лица болѣе знаменитаго. Намъ рассказывали также, что онъ любилъ музыку, охотно слушалъ Русскія пѣсни и давалъ великолѣпные балы, на которыхъ до упаду танцовалъ съ живыми, прекрасными Польшками. Наконецъ мы пріѣхали въ *Ровно*, старинный Польскій городокъ—теперь уѣздный. Издавна принадлежалъ онъ фамиліи Князей *Любомирскихъ*. Мы прибыли въ полкъ лѣтомъ. Городъ (въ другое время грязный) былъ сухъ. Евреи сидѣли и занимались мѣлочною торговлею предъ своими корчмами. Поляки, (многіе еще въ старой народной одѣждѣ) и Русскіе въ красивыхъ мундирахъ съ *желтыми воротниками*, въ модныхъ жилетахъ, въ цвѣтныхъ панталонахъ, очень пестро одѣтые (тогда было разгульное время), весело прогуливались по улицамъ и деревяннымъ тротуарамъ. Не было ни одного лица скучнаго. Вдругъ пронесся плавнымъ галопомъ черезъ всю площадь статный вздокъ въ Генеральскомъ мундирѣ, на гнѣдой Англійской лошади. Чепракъ, за-

литый золотомъ, и множество крестовъ на груди сверкали на солнцѣ. Высокій султанъ волновался надъ шляпою. Это былъ Милорадовичъ. Онъ только что отучилъ свой любимый гредарерскій батальонъ, съ которымъ, въ одномъ сраженіи, взялъ *шесть* *батарей* итыками. Тогда возвращался онъ домой. За нимъ неслась его свита изъ адынтантовъ и ординарцевъ, пользовавшихся прекрасными лошадьми съ его конюшни. Въ этой свитѣ отличался одинъ высокорослый стройный Полякъ (Панъ Чернецкій) въ какомъ-то полу-фантастическомъ мундирѣ, обшитомъ золотыми галунами. Тутъ же на маленькомъ клеперѣ ѣхалъ сухощавый человекъ съ совершенно Англійскою миною. Это былъ дѣйствительно Англичанинъ (родомъ изъ Ирландіи) *Гоганъ*, племянникъ Генерала Ласси. Въ послѣднюю войну, въ Италіи, онъ служилъ капитаномъ въ шефской ротѣ, выказалъ не разъ отчаянную храбрость, и, однажды, способствовалъ къ спасенію жизни Милорадовича, который, когда Гоганъ за тяжкою раною вышелъ въ отставку, держалъ его при себѣ на дружеской ногѣ. Всѣ эти особы ѣхали къ шефу полка обѣдать. За обѣдомъ—такъ намъ рассказывали — играли 24 музыканта изъ крѣпостныхъ людей Генерала. Послѣ обѣда ѣздили опять верьхами или катались съ пѣсенниками на лодкахъ по озеру, окружающему съ одной стороны городъ. Вечеромъ отправлялись на *горбану* (на чай) въ замокъ къ Князю Юзефу Любомирскому. При чаѣ всегда было *чтеніе*. Читали, поочередно, вслухъ журналы, чаще какое нибудь новое произведеніе Французской литературы. Тогда еще не убивали время за картами. Игрывали на билліардѣ и въ шахматы. Милорадовичъ считался опаснымъ бойцемъ съ кѣмъ въ рукахъ и на шахмат-

ной доскѣ. Вездѣ онъ *рисковалъ*, вездѣ дѣлалъ смѣлыя выходки, изумлялъ противниковъ отвагою, а часто и успѣхомъ. Вдругъ раздавался въ залѣ рѣзкій звукъ смычка, и, чрезъ минуту, все общество кружилось въ звонкомъ вихрѣ *вальса* или рисовалось въ *мазуркѣ*. Много было патріархальнаго въ тогдашней военной жизни. Офицеры любили Милорадовича, солдаты обожали его. Насть—новопріѣзжихъ—представили Генералу послѣ его обѣда. Онъ лежалъ въ мундирѣ, на распахнутой, на софѣ, и курилъ трубку. Богатый янтарь дымился въ устахъ его. Тутъ имѣлъ я время рассмотреть своего шефа, какъ говорится, съ ногъ до головы, и взглянуть въ лицо чрезвычайно значительное. Въ этомъ лицѣ тотчасъ можно было угадать родовыя черты Серба. Но большой Сербской носъ не испортилъ его лица продолговато-округлаго, тогда еще веселаго, открытаго. Русые волосы легко осыпали чело слегка отънесенное дуемою. Отличительными чертами его особы были глаза, грудь и улыбка. Онъ имѣлъ свѣтлые, голубые глаза, которыхъ очеркъ былъ *продолговатый* и взоръ ясный. Улыбка скрашивала губы узкія, даже нѣсколько поджатые. У иныхъ означаетъ это скупость; въ немъ могла означать только какую-то внутреннюю силу, потому, что *нескупость* его слишкомъ была извѣстна! — Правда, по временамъ, и онъ бывалъ скупъ, но на долго ли? Послѣ поѣздокъ въ бѣлую церковь всякій разъ принимался онъ за хозяйство. «Знаешь ли (говорилъ онъ) «какъ аккуратно живетъ Генералъ П... Вотъ «хозяинъ! Я непременно стану жить также. Онъ далъ «мнѣ *формы* для заведенія *хозяйственныхъ книгъ* и «по дому и по деревни; у меня, знаешь, страшный «вездѣ безпорядокъ; но этого болѣе не будетъ!...» И

тутъ закипала работа. Переплетали книги, графиллисты, распределяли должности между дворнею, и даже записывали *расходъ* и *приходъ* въ продолженіи двухъ, трехъ сутокъ. Но скоро все это прискучивало: книги валялись уже подъ столомъ и старое шло по старому. — Я отступилъ отъ разсказа, возвращаясь къ описанію особы Генерала. — Генераль, какъ я сказалъ, отличался своею грудью. У него была, какъ говорятъ, *грудь колесомъ*. Красиво обозначалась она подъ мундиромъ, при стройной, щегольски затянутой талии. Онъ былъ только что развѣ *средняго роста*, но плечистъ. Просторъ въ плечахъ и грудь окатистая обличали тѣлосложеніе крѣпкое, что и оправдывалось на дѣлѣ, ибо онъ никогда почти не бывалъ боленъ. Окинувъ взглядомъ насъ, молодыхъ офицеровъ, и видя, что всѣ мы были дробны ростомъ, Милорадовичъ улыбнулся шутливо, не *сардонически* (онъ могъ вспылить, разсердиться, но не умѣлъ язвить) и сказалъ: «Ну, Богъ мой! (это любимая его поговорка) «теперь только намъ нужна война! война! А войны есть!» Тутъ указалъ онъ на насъ *вдругъ обѣими руками* — это было также его *привычное* движеніе. . . . Ахъ! сердце сжимается невольною грустію, когда вспомню, что чрезъ двадцать лѣтъ послѣ того, въ *первый* разъ въ жизни облитый собственною кровью, онъ, увидя меня, съ тою-же дружелюбною улыбкою, съ тѣмъ же привычнымъ движеніемъ (разводя обѣ руки вдругъ) тѣмъ же протяжнымъ, торжественнымъ своимъ голосомъ сказалъ: «Ну! кажется я *сдѣлалъ свое дѣло!*» Его первая рана была обручальнымъ кольцомъ со смертію, и, смѣю сказать, съ *безсмертіемъ!*..

Послѣ перваго представленія шефу (тогда это слово было въ ходу!), насъ размѣстили по ротамъ. Мнѣ дове-

лось жить въ степи, въ хатѣ Волинскаго крестьянина. Я прожилъ тамъ годъ, безъ книгъ, безъ общества, сущимъ анахоретомъ. Что было дѣлать? — Я смотрѣлъ на синюю даль степей, часто живописныхъ до безконечности, дышалъ цѣлительнымъ воздухомъ Польской Италіи, и училъ свое капральство. Науки, зачерпнутыя въ корпусъ и наскоро усвоенныя, мало по малу испарялись. *Дифференціальныя и Интегральныя* изчисленія были первыми дезертирами; за ними слѣдовали и прочія части математики. Голова моя пуста, но сердце наполнялось какими-то новыми, непонятными ощущеніями. Не было ни словъ, ни умѣнья для выраженія этихъ ощущеній, часто возвышенныхъ, пылкихъ и всегда безыменныхъ! Разнообразныя, неуловимыя, онѣ налетали, тѣснились, волновались, какъ туманы, какъ явленія воздушныя на уединенномъ раскатѣ степей.

Я не стану (по крайней мѣрѣ здѣсь) описывать обстоятельствъ, и мѣлочныхъ и важныхъ сблизившихъ меня съ Милорадовичемъ. Пропускаю цѣлый годъ и перехожу прямо къ свиданію съ нимъ въ городѣ Ровно, — гдѣ тогда находилась наша полковая квартира.

Это было въ началѣ осени. Рота, въ которой я служилъ, пришла, на очередь, въ городъ для содержанія караула. Городъ былъ грязенъ. Мнѣ отвели бѣдную каморку у жидовъ. Я не писалъ еще тогда стиховъ, и, сидя подъ окномъ, отъ нечего дѣлать, игралъ про себя, въ мечты, и поэтизировалъ, прислушиваясь къ музыкальному завыванію осенняго вѣтра, который выпѣвалъ и высвистывалъ что-то по щелямъ и за каулкамъ огромной корчмы. Вдругъ явился ординарецъ и позвалъ меня къ генералу.

Онъ занималъ домъ деревянный, довольно большой, съ мезониномъ, Пана *Горецкаго*, одинъ изъ лучшихъ домовъ во всемъ городѣ. Чего не вытерпѣлъ этотъ мученикъ домъ! По крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ измѣнялся видъ внутреннихъ комнатъ. Что балъ, то новое преобразование! — Вдругъ исчезала цѣлая стѣна; на мѣсто ея являлась колонада. Въ другой комнатѣ становилось однимъ или двумя окнами менѣе, и одною дверью болѣе. О диванахъ, зеркалахъ и прочемъ, говорить нечего: все, какъ живое, почти ежедневно, прыгало съ мѣста на мѣсто, и все это устанавливалъ, прилаживалъ, примѣривалъ самъ Милорадовичъ! У него было необыкновенное стремленіе къ гармоніи и симметріи, необыкновенно-тонкій вкусъ. Онъ былъ великій охотникъ и мастеръ убирать свои комнаты. И эта охота зацѣпляла въ немъ до послѣднихъ дней жизни. Дурно прибранная комната наводила на него тоску, и часто, гдѣ нибудь въ гостяхъ, говаривалъ онъ: «вотъ этотъ диванъ поставилъ бы я туда-то, а это зеркало повѣсилъ бы здѣсь.» Но не подумайте, чтобы онъ привязанъ былъ душою къ своимъ дорогимъ, часто драгоценнымъ вещамъ. Съ истинною безпечностію Запорожскаго воина обходился онъ съ своею прекрасною мебелью. Возвратясь съ полковаго ученія, которому всегда умѣлъ придавать видъ малой войны, или сраженія, онъ, весь въ пыли, весь забрызганный грязью, кидался на шелковые и бархатные диваны. Дорогія шали, которыми иногда закутывалъ себя болѣе для щегольства, (простуды онъ не боялся!), также немилосердно бывали измяты и запылены. Но я обращаюсь къ начатому разсказу.

Призванный къ начальнику, явился я во всей *формѣ*. Въ первой комнатѣ сидѣли вѣстовые, и слуги: мнѣ ска-

зали, что Генераль у себя въ кабинетъ. Это былъ вечеръ, и вечеръ осенній. Двѣ или три комнаты до кабинета оставались не освѣщенными: я шелъ почти въ потьмахъ. Но за то кабинетъ, который я увидѣлъ издали, сквозь полуразтворенную дверь, облить былъ весь какимъ-то роскошнымъ и вмѣстѣ *томнымъ* освѣщеніемъ. Тихо подошелъ я къ двери и медлилъ войти: «Видно я позванъ сюда *не одинъ*» подумалъ я, увидя еще двухъ офицеровъ, *также во всей формѣ*, стоявшихъ, какъ мнѣ показалось съ двухъ сторонъ кабинета. Но самъ генераль оставался невидимъ. Наконецъ я подвинулся, и оба офицера сдѣлали тоже. Тутъ догадался я, что эти офицеры былъ самъ я! Это былъ просто оптическій обманъ: мое собственное изображеніе отразилось въ двухъ огромныхъ зеркалахъ. Почти всѣ стѣны кабинета были зеркальныя или тѣсно установленныя зеркалами, которыхъ рамы таились за богатою драпировкою изъ зеленой шелковой матеріи, искусно развѣшенной на золотыхъ кольцахъ. По мѣстамъ стояли бѣлыя алебастровыя вазы, разливая прелестное *лунное* освѣщеніе. Въ другихъ вазахъ, какъ я послѣ узналъ, хранился душистый *попури* и *мускусъ*, отъ которыхъ невидимо курилось очаровательное благовоніе. Но болѣе всего поразило меня прекрасный *транспаранъ*, занимавшій почти всю поперечную перегородку. Освѣщенный съ тылу, этотъ транспаранъ представлялъ картину съ большимъ эффектомъ. Яркія блистательныя краски такъ и бросились прямо въ глаза. Въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ представлялась исторія Инковъ или, лучше сказать, сцены изъ романа Мармонтелева. Величественная природа Южной Америки, Кацики въ своихъ головныхъ уборахъ и преслѣдующіе ихъ Испанцы въ полурыв-

царскихъ одеждахъ, съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, все это очень живо напомнило мнѣ историческій романъ, который читывалъ я нѣкогда съ большею жадностію. Подлѣ транспарана, у перегородки, стоялъ диванъ, одѣтый чернымъ бархатомъ, распещренный красными (тогда была такая мода) іероглифическими фигурами и разными принадлежностями Египетскаго быта. На правой рукѣ, у стѣны, подѣ большимъ зеркаломъ въ золотыхъ рамахъ, находился также шелковый диванъ, болѣе покойный чѣмъ прежній, и подѣ цвѣтъ комнаты. На немъ лежала измятая шаль и развернутая книга. Блескъ отъ бронзы, золота и фарфора, густой аромать и томное, магическое освѣщеніе обдали, и, на минуту, изумили меня, вошедшаго изъ темноты. Я остановился и обводилъ кругомъ себя любопытными глазами. Но Генерала не было.

Наконецъ онъ показался изъ-за перегородки, (откуда, кажется, примѣчалъ движенія вошедшаго), и расположился на зеленомъ диванѣ. Я стоялъ почтительно, (тогда еще не было моды обходиться съ начальниками за просто), и ожидалъ, что онъ скажетъ. «Мнѣ показалось, что вы съ любопытствомъ осматривали мои комнаты? Нравятся онѣ вамъ?»—Для этой комнаты....—«Это моя любимая! сказалъ онъ съ живостію: я люблю сидѣть въ ней по вечерамъ.»—Для этой именно, продолжалъ я, не достаетъ одного....—«А чегожь бы?» подхватилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.—Тогожь самаго, чего не доставало для золотого Царско-сельскаго дворца. когда Императрица Елисавета показывала его Французскому посланнику. Осмотря все, учтивый Французъ, на вопросъ Державной хозяйки, отвѣчалъ: «Государыня! для такой прекрасной вещи

не достаётъ только.... *футляра!*» — Генераль (онъ любилъ привѣтствія) улыбнулся очень весело.

«Полковникъ И... говорилъ мнѣ очень много объ васъ: я хотѣлъ познакомиться съ вами.» Я поклонился почтительно и молчалъ. Но послушайте, *душа моя!* (это его поговорка), я на васъ сердить!» Тутъ онъ принялъ важный видъ, и поглядѣлъ на меня строго. «Вы часто видаетесь съ поручикомъ Н. который теперь подъ арестомъ.» — Поручикъ Н. содержится не подъ секретомъ: онъ находится подъ гласнымъ арестомъ; всѣ къ нему ходятъ, всѣ съ нимъ знакомы. И я, знакомясь съ нимъ однажды, нашелъ въ немъ человека образованнаго. Онъ обложенъ книгами, а я, признаться, давно уже не видалъ книгъ!

— «Но развѣ вы не знали, что онъ у меня *подъ гильзомъ?*» — Зналъ по слуху....

— «И осмѣливаетесь у него бывать!»

— Мнѣ и до сихъ поръ неизвѣстны причины личнаго неудовольствія Вашего Превосходительства на поручика Н.; но вѣроятно поступки его не противны чести и долгу, потому что полковникъ И..., котораго вы сами такъ уважаете, и другіе штабъ офицеры, сколько я могъ узнать изъ ихъ отзывовъ, любятъ и хвалятъ поручика Н. «Да! многіе хвалятъ его для того, чтобъ меня дразнить!» сказалъ онъ, про себя, съ отъѣнною живостію.

— «А вы, *сударь!* развѣ не боитесь меня прогнѣвить?»

— Я этого не желаю и не боюсь. «Почему жъ не боитесь?»

Потому, что отъ гнѣва вашего защитить меня....

— «А кто бы, *напримѣръ?*» — Ваша собственная *справедливость*. Я сдѣлалъ съ намѣреніемъ удареніе на

слово *справедливость* и замѣтилъ, что въ немъ произошло другой переворотъ. Врожденное великодушіе взяло верхъ надъ минутною выходкою личнаго негодованія. Онъ опять сталъ ласковъ и улыбался. «Садитесь, душа моя!» указалъ мнѣ на стулъ, а самъ сѣлъ на диванъ. Но въ продолженіи разговора всталъ съ дивана и большими шагами расхаживалъ по комнатѣ. «Знаете ли» говорилъ онъ, подходя очень близко и смотря мнѣ въ глаза пристально (это было также одно изъ его обыкновеній, когда онъ хотѣлъ что нибудь внушить или выведать) я самъ не сердить на поручика Н. Онъ мнѣ не чужой: мать поручила его моему *отеческому попеченію*. Вотъ ужъ другой мѣсяцъ, какъ я жду, чтобъ онъ смирился, попросилъ у меня извиненія. Но онъ надѣется на свое богатство... онъ самонаравенъ... молодымъ людямъ нужны уроки. Я не люблю быть начальникомъ *колпакомъ*: я строгъ!

Послѣ этого разговоръ мало по малу остылъ, и принялъ другое направленіе.

«Вы читаете по Французски?»—Читаю.—«Пожалуйте прочтите! (и подалъ мнѣ книгу). Я долго сегодня читалъ. Въ горахъ Италіи простудилъ я свои глаза: они часто воспаляются.—Я принялъ книгу. Это было *описаніе* какого-то *плаванія* по тихому Океану и рассказы о бытѣ и междоусобныхъ войнахъ разноплеменныхъ островитянъ-дикарей. Я началъ читать звонко и внятно. Но въременамъ, онъ перерывалъ чтеніе и заводилъ разговоръ. При сей вѣрной оказіи, я выгружалъ все, чѣмъ надѣлило меня корпусное ученье, по части Исторіи и Географіи. Мы говорили также о войнѣ и политикѣ, касались даже предметовъ Философіи. Школьные познанія тогда еще были свѣжи

въ памяти моей. Подъ эти мирные разговоры, вдругъ поднялась по всѣмъ угламъ тревога. Бронзовый арапъ, съ одутыми щеками, съ бѣлыми бусами на шеѣ, сталъ водить въ обѣ стороны глазами и качать курчавою головою, между тѣмъ какъ часы, которые держалъ онъ въ охабкѣ, трещали готовясь бить. Другіе часы, вдѣланные въ вазу съ цвѣтами, стояли за стѣнкою въ шелковомъ нишѣ, третьи рисовались на бюро, четвертые, съ курантами, висѣли на стѣнѣ въ сосѣдней комнатѣ, и еще одни, съ *флейтами*, были въ залѣ. Всѣ они раскачивали свои маятники шипя и тревожась передъ исходомъ послѣднихъ минутъ часа. И вдругъ со всѣхъ сторонъ зазвонило, запѣло, заиграло и вездѣ пробило: «*одиннадцать часовъ.*»

«Я очень вами доволенъ!» сказалъ Генераль, когда шумъ стихнулъ. «Приходите завтра обѣдать; мы познакомимся короче!» — Говоря это, онъ всталъ. Я отклонялся ему почтительно, и мы разстались.

Ө. Глинка.

(будетъ продолженіе).